

## Тематическое направление

Дети в истории Великой Отечественной войны 1941-1945 годов

## Жанр сочинения

Рассказ

## Тема сочинения

Колосок

В Сибири не было войны,  
Но бесконечны павших списки.  
В Сибири не было войны,  
Но в каждом парке обелиски.  
Сибирь, кормившая страну,  
Ждала нас, мучась и печалась,  
Из ста, ушедших на войну  
Всего лишь трое возвращались.  
В Сибири не было войны...

И. Краснов

«Весна! Я люблю весну, наверное, потому, что родился весной. Небо высокое и ярко-синее, как мои глаза. Мамка говорит, что мне их подарило небушко в память об отце. Отца я не помню, он умер, когда мне было 3 года. И остались мы одни: мамка, Морька, Зинка да я. Эх, папка, папка, плохо без тебя, тяжело. А тут ещё война, проклятая... Вон всех мужиков призвали немцев бить. Остались одни немощные. Кто уже и вернулся с фронта, только без рук да без ног. Какие они теперь работники? Дядька Коля говорит про себя: «Калека я теперь...» А тетка Аксинья, жена его, радуется и приговаривает: «Живой, живой, наш кормилец. Странная она... Хотя, как посмотреть... Тётка Федосья, с соседней улицы, похоронку получила на мужа, голосила неделю. У них ведь

малых-то пятеро по лавкам сидит», - так размышлял Мишка, шлёпая в предрассветных сумерках по лесной дороге к колхозному полю.

В лесу он знал каждую тропинку, каждую кочку. Сюда летом он бегал с ребятами собирать ягоду, грибы, калину. Всё это сдавали в колхоз. Приказ: «Всё для фронта!» Но сегодня он шёл не помогать фронту и матери в поле... Он был не совсем уверен в правильности принятого решения. Но точно знал, что мать его затею не одобрила бы. Засветло, наспех собравшись, крадучись, чтобы не потревожить мать, заснувшую только под утро, он отправился в путь.

Миновав лесок и поднявшись на Степной вал, где начинались колхозные поля, Мишку ещё больше охватило волнение. Он остановился, огляделся по сторонам. Дело-то рискованное... Объездные на конях могут в любой момент нагрянуть. По осени с бичами гоняли ребятню, собиравшую колоски в полях после уборки. Но отступать от намеченного Мишка не любил.

Кругом расстилались бескрайние поля, изрезанные берёзовыми и осиновыми окошками, овражками. Земля, земляца, кормилица наша, ещё спит, отдыхает, сил набирается. Вот ласковые солнечные лучи проникнут вглубь, отдадут ей своё тепло-и она задышит, готовая дать новый урожай. Тихо... Спокойно... А летом 41-го здесь, на этом самом месте, звучали песни, заливалась гармонь. Вся деревня вышла на провода первых призывников. На гравийной дороге их уже ждали грузовики. Раздалась команда: «По машинам!» Звуки гармонии оборвались, заревели моторы, и...чей-то истошный плач разорвал пространство и время на «до» и «после»...

Весенний ветерок лёгким дуновением рассеял нахлынувшие воспоминания. Мишка посмотрел в сторону, где розовым цветом окрасился край горизонта. Солнце скоро встанет – надо торопиться. Свернув вправо от гравийки, он поковылял по пустынному полю к ближайшему окошку. Земля уже подтаяла, но в овражках виден ещё снег, рыхлый и грязный. Его огромные полуразваленные отцовские кирзачи утопают в грязи, длинный ватник затрудняет шаг. С трудом продвигаясь вперёд, пристально вглядывается в землю. «Хоть бы один колосок! Хоть бы несколько пшеничных или овсяных

зёрнышек! Зинка так сегодня ночью заливалась, что думали до утра не доживёт. Живот дует, вся горит. Видно, вчерашние «тошнотики» из гнилой мороженой картошки дали о себе знать. А вот, если бы набрать несколько колосков, протереть их, то такую «затируху» приготовить можно. Обьедение! Продержаться бы недельки две, а там зелень полезет. Побежим на Свирину гору кандык копать, медуницы и сладкие пучки собирать, сок берёзовый пить. Можно и до лета на подножном корме продержаться».

До стана 2 бригады, где мать работала осенью, совсем рукой подать. Мишка остановился передохнуть. «Что получается, - не унимался его внутренний голос, - я – вор? Иду воровать колхозное добро? Ворую у солдат, которые защищают нашу Родину?» Эти мысли не давали Мишке покоя. Какая – то червоточинка сидела внутри и душила его. Чтобы отвлечься от чёрных дум, он поглядел на небо. Нежно-белые облачка медленно плыли куда-то вдаль. «Может, на таком облачке и папка путешествует по миру, ведь мамка говорит, что он на облаках. Я бы тоже хотел мир посмотреть. Ничего, вот выучусь и отправлюсь в разные страны».

Мишка уныло зашагал дальше. «Когда только выучусь...? В прошлом году мать в школу не отдала меня, сказала, что идти не в чем. Но я - то знаю причину. Надорвалась она в поле: живот сорвала. Ведь сейчас всё на бабах. По весне пахали и боронили землю, впрягаясь в плуг или борону вместо лошадей и коров. Вручную косили и вязали снопы. Долго мать болела. Пришлось мне на быках выйти в поле, чтоб трудней хоть немного заработать. Получили пай - кот заплакал. Вот и выдалась зима голоднее прежней. Школа... А с сестрёнками кто будет? А по хозяйству кто? В согре сена накосить надо, огород вскопать надо, а потом и прополоть... Хворост попробуй принеси из лесу на руках по полутораметровому сугробу... То-то же... Школа... Ладно, на следующий год пойду учиться. Там, говорят, новая учительница, «уакуированная». Из Ленинграда. Чудная такая, на наших деревенских баб не похожа. Полушалок не носит, а какую-то шапочку, на ногах коротенькие сапожки на каблучке. Ага! В наши-то морозы! Хорошо, что дед Семён справил ей пимы. Уважают наши её.

Где же этот Ленинград? Всё везут и везут оттуда людей... Да, что людей? Даже заводы! А как иначе, ведь фронту снаряды нужны, одежда нужна, а как солдату без харчей-то. Вы уж бейте этих проклятых фашистов, а мы потерпим, перебьёмся. Вот бы в город убежать, а лучше на фронт... Эх, нельзя. На кого я мамку оставлю и сестрёнок? Загнутся без меня. Я ж один мужик в семье».

Мишка так размышлять и рассуждать мог бы целую вечность. Погружённый в свои мысли, он и не заметил, как оказался у берёзового околка. Можно дух перевести. Сел на проталинку возле берёзы, закрыл глаза, по уставшему телу поползла приятная истома. Вдруг синичка, прилетевшая на дерево, своим звонким, весёлым свистом, предвещавшим ясный тёплый денёк, заставила вернуться к насущным проблемам. «Что же невезуха такая! – с досадой проворчал Мишка. – Протопал версты две, и всё впустую!» Он нагнулся, чтобы перемотать онучи, да так и обомлел... Рядом с сапогом, на каком-то корешке берёзки повисло несколько колосков пшеницы. А-а, синичка-сестричка, не случайно ты сюда прилетела! Тоже хотела разжиться лакомым кусочком. Мишка, обезумевший от радости, хотел было резко сорвать их с корешка, но вовремя спохватился. Ведь зёрнышки могут упасть в грязь, попробуй их найди потом. Аккуратно, чуть дыша, он поднёс ладонь под колоски, а другой рукой осторожно стал снимать их со стебельков. Серые, грязные, кое-где даже с плесенью, но прекрасно сохранённые под снегом, зёрнышки бисером упали Мишке на ладонь. Каким-то теплом, нежностью и добротой отзывалось в душе каждое зёрнышко, падающее в руку. Где-то в груди стало горячо-горячо, а из глаз потекли слёзы. Слёзы радости и надежды. Мишка крепко сжал ладонь, прижав руку к сердцу, и, не замечая усталости и угрызений совести, устремился домой. Домой, к мамке и сестрёнкам.

PS: Мишка пошёл в школу, но только после войны. Закончил всего 4 класса. Поступил в ФЗУ, выучился на тракториста. 35 лет пахал землю, сеял и убирал хлеб. А пшеничные колоски, из военного детства, навсегда остались в памяти Скопинцева Михаила Герасимовича.